

не презирать людей". Ибо онъ показалъ правду, но эта правда не оказалась презрѣнной. Онъ подвергъ человѣка страшному испытанію, но человѣкъ это испытаніе выдержалъ. Онъ развѣничалъ героевъ, блестящихъ любимцевъ исторіи, но зато подъ оболочкой сѣрой и незамѣтной открылъ невѣдомые раньше человѣческие клады и обнаружилъ величие малаго, красоту некрасиваго, обаяніе обыкновенности.

Среди тѣхъ испытаний и искусствъ, какіе онъ заставилъ насъ пройти, большое значеніе имѣть то, что можно бы назвать реакцией на смѣшное. Но и на страшномъ судѣ смѣшного мы передъ Толстымъ себя оправдали. Въ противоположность Гоголю, казнившему людей смѣшною смертью, Толстой, великодушный, преодолѣлъ соблазнъ комики, пошелъ дальше нея и не захотѣлъ признать, что сущностью кого бы то ни было можетъ быть комическое: сущность всегда серьезна. Оттого, пусть въ „Хаджи-Муратѣ“ такъ смѣшина прощальная рѣчъ генерала Козловскаго (вѣдь рѣчи говорить, да еще въ присутствіи придворныхъ и дамъ, это потруднѣе, чѣмъ „подъ пулями завалы братъ“), пусть онъ за каждымъ словомъ неизмѣнно повторяетъ „какъ“, —его косноязычное слово такъ сердечно, такъ искренне, что не смѣются надъ нимъ, а всѣхъ оно растрогиваетъ, и у многихъ, какъ у самого оратора, выступаютъ слезы на глазахъ.

Такъ, перемежая высокое и будничное, серьез-